
Глава 8: Вечное существование

Двенадцать бронзовых исполинов были легендой из учебников истории, материальных свидетельств их существования в будущем не осталось. Раз уж Его Величество разрешил им брать всё, что понадобится, Хэ Мяо тут же подумал о них.

Пользователи:

[Водичка, ты что, вместе с системой заодно и смелость свою прокачал?]

[Цинь Шихуан: Я просто из вежливости предложил, а ты уже дом разбирать начал.]

[Вообще-то, лучше пусть Водичка заберёт их в современность, чем их всех сожжёт Сян Юй.]

Ин Чжэн поднял глаза. Прежде чем удалось разглядеть выражение лица наглеца Хэ Мяо, перед взором императора проплыла вереница даньму.

[Ого, у Великого Первого императора тройные веки.]

Ин Чжэн, который невольно уже потянулся к глазам, увидел следующий комментарий.

[Ха-ха-ха, какие ещё тройные? Вы что, не видите удивление и шок во взгляде Великого Первого императора? Это его от просьбы Водички так перекосило, что веки втрое сложились.]

[Я впервые вижу в обычно спокойных глазах Великого Первого императора такое явное потрясение. Потрясение, которое заметно пошатнуло его царственную ауру. Видимо, Мяомяо умеет просить — одним словом сразил Великого Первого императора наповал.]

[Какое, к чёрту, «умеет просить»! Ха-ха-ха, кто так бесцеремонно просит отдать фамильные драгоценности?]

[Двенадцать исполинов — фамильные драгоценности? Разве по легенде Великий Первый император не приказал отлить их, чтобы уничтожить всё оружие в Поднебесной?]

От такого потока информации у Ин Чжэна заболели глаза. Он на мгновение прикрыл их, и все прежние эмоции улетучились.

— Эти двенадцать исполинов мне ещё пригодятся, — сказал он. — В лучшем случае, могу велеть Фусу показать их вам. Но забрать, боюсь, не получится.

Археологи пришли в восторг. Они повскакивали с мест и, оперевшись на столы, закричали в экраны:

[Мяомяо, и посмотреть сойдёт, просто посмотреть!]

[Мяомяо, слушайся Его Величество, не проси лишнего. К тому же, подумай, сможет ли Тянь Тянь унести этих двенадцать исполинов.]

[«Пригодятся» Его Величеству — значит, для чего-то очень важного. По некоторым предположениям, после отливки двенадцати исполинов Великая Цинь столкнулась с нехваткой меди для монет. Если ты их заберёшь, то помешаешь Его Величеству восстанавливать экономику.]

Даже те пользователи, кто не понимал археологической ценности двенадцати исполинов, осознавали важность таких артефактов и принялись уговаривать Хэ Мяо.

[Водичка, нельзя же грабить предков до нитки. Тем более, что это... наш прародитель.]

[Прародителя тем более нельзя грабить, он же бедный. Вы знаете, сколько меди добывали за год во времена династии Цинь? По оценкам, не больше двух тонн.]

[Что? Две тонны? Так это Мяомяо не просто грабит, а вычищает всё дочиستا. Милый, давай просто посмотрим, ладно? Мы можем записать видео, сделать скриншоты, а потом изучать по ним.]

Ин Чжэн пребывал в беспомощном молчании.

«Почему из этих комментариев потомков сквозит ощущением, что я беден, а они — ещё беднее? И что вообще значит «изучать по видео»?»

Хотя в Великой Цинь не было археологов, а изучение древней истории преследовало лишь научные и образовательные цели, императору было трудно понять восторг современных людей при упоминании бронзовых статуй. Однако, вспомнив свои чувства, когда он впервые взял в руки древний меч Лунъюань, Ин Чжэн подумал, что, возможно, это не так уж и сложно понять.

К тому же, эти люди за экраном постоянно называют его прародителем. Нельзя же носить это

звание просто так.

Ин Чжэн подозвал Фусу:

— Сегодня ты вместе с Чжан Ханем и Ван Ли лично покажешь Мяомяо и Тянь Тянь исполинов, а также виды за пределами Сяньяна. Кроме того, передай сыгунам, чтобы в течение пяти часов они изготовили двенадцать маленьких бронзовых исполинов. Когда Тянь Тянь будет уходить, отдашь ей.

Пользователи коллективно остолбенели.

Двенадцать маленьких бронзовых исполинов! Это то, о чём они подумали?

[Боже мой, да у Его Величества талант к созданию фигурок! Сначала гигантские фигурки — двенадцать исполинов, потом самый шокирующий набор фигурок в мире — терракотовая армия, а теперь он приказал сделать для нас мини-версии двенадцати исполинов. Ха-ха-ха, у Его Величества в детстве точно не было игрушек, вот он и вырос с таким воображением, га-га.]

Произнося это, пользователь, который бесцеремонно хохотал у себя дома, вдруг увидел на виртуальном экране величественное и суровое лицо, словно оказавшееся прямо перед ним. Смех тут же оборвался.

Ин Чжэн, окинув взглядом опустевший даньму, сказал Фусу и остальным:

— Идите. Нельзя, чтобы Тянь Тянь зря приехала. Но не говорите того, чего не следует.

И вот, в свой официальный первый день работы в Великой Цинь, Тянь Тянь не пошла в лавку с шаобинами у городских ворот, а вместо этого вместе с Мяомяо в сопровождении гунцзы, Чжан Ханя и Ван Ли отправилась на экскурсию по дворцу Сяньян.

Первый исполин был установлен в восточной части дворца, в позиции Сюнь-лун, лицом на восток, чтобы вбирать утреннюю энергию ци. Высота статуи составляла три метра. Складки на её одежде были вырезаны с такой чёткостью и естественностью, что сочетали в себе красоту и величие. Под лучами солнца бронза сияла золотом.

Хэ Мяо и Тянь Тянь встали по обе стороны от исполина и показали в камеру знак «V».

Пользователи, которые как раз обсуждали увиденное:

[Какая красота! Почему же до нас дошли только легенды о двенадцати исполинах?]

[Если великаны были расставлены по разным частям дворца, то их, скорее всего, позже растащил Сян Юй.]

— увидев, как эти двое позируют у достопримечательности, почувствовали, как их переполняет презрение.

[Эй, эй, эй! Рядом с общественным достоянием фотографироваться запрещено!]

[Не позируйте, я не буду делать вам скриншоты.]

Чжан Хань, который видел даньму, посмотрел на Ван Ли, который ничего не видел и потому с искренней радостью улыбался, глядя на Хэ Мяо и Тянь Тянь. Он немного позавидовал ему.

Ван Ли посмотрел на Чжан Ханя:

— А-Гань, чего ты на меня смотришь?

Собеседник лишь отвёл глаза.

В этот момент Хэ Мяо сказал:

— Если вам не интересно смотреть на исполинов, то пойдёмте дальше, гунцзы.

Ван Ли отошёл от Чжан Ханя на пару шагов.

— Та штука Мяомяо, которая связывает его с будущими людьми, эта трансляция, она обновилась. Эх, как-то коряво я это говорю. В общем, она заработала, и теперь Мяомяо видит своих сверстников из будущего?

— Ничего подобного, — с удивлением ответил Чжан Хань, глядя на Ван Ли.

— А-Гань, если что-то знаешь, говори. Мне всё время кажется, что с тобой что-то не так, — настаивал тот.

Чжан Хань подошёл поближе к Хэ Мяо.

Ван Ли, оценив расстояние между ними, замолчал. Теперь он был уверен — Чжан Хань знает больше, чем он. Но он не слышал, чтобы в будущем его ценили меньше. Почему же тот знает больше? Неужели всё дело в том, что Мяомяо относится к нему не так хорошо, как к Чжан Ханю?

Хэ Мяо, пообщавшись с недовольными пользователями, с удовлетворением посмотрел на свою фотографию с восточным исполином. Заметив, что его названный брат Ван Ли смотрит на него, он широко улыбнулся и, повернувшись, спросил Фусу:

— Брат, а ты можешь рассказать нам, почему исполины в Великой Цинь расставлены именно так, по сторонам света?

Фусу хранил молчание.

«Во-первых, на этот вопрос сложно ответить. Во-вторых, неужели эти люди из будущего такие несообразительные? Я же теперь вижу даньмя Мяомяо. Если они хотят что-то узнать, могут спросить сами»

Если бы пользователи могли понять затруднение гунцзы в этот момент, они бы обязательно сказали ему, что если бы они так поступили, Хэ Мяомяо наверняка бы просто закрыл глаза и прервал трансляцию. Но пользователи не умели читать мысли. Они лишь по молчанию Фусу предположили:

[Неужели в расположении этих исполинов есть какой-то секрет?]

Ван Ли, услышав вопрос и поразмыслив, сделал шаг назад и ловко скрылся за спиной другого человека. Чжан Хань смерил его неодобрительным взглядом, посмотрел вдаль, а затем тоже молча спрятался за спиной гунцзы.

Зрители, оживлённо обсуждавшие в даньмя статуи, увидев такую расстановку, пришли в восторг.

[Гунцзы вытолкнули на С-позицию! В расположении этих исполинов точно есть какой-то секрет.]

[Я знаю! Неужели их так расставили, чтобы испросить для Великого Первого императора долголетия?]

[Очень возможно. Когда Мяомяо впервые заговорил об исполинах, я вспомнил о золотом бессмертном с подносом для росы, которого сделал император У-ди. Теперь, глядя на это, думаю, что У-ди, возможно, сделал его по наущению тех же алхимиков, подражая Великому Первому императору.]

Старший гунцзы, глядя на проносящиеся мимо догадки современных детей, не знал, что делать — говорить или молчать. Он был в полном замешательстве. Сказать — но отец-император перед выходом велел не болтать лишнего. Молчать — но их теории становились всё более и более нелепыми.

В этот момент сзади раздался голос:

— Старший брат, почему вы все здесь?

Гунцзы Гао, помахивая нефритовой подвеской на поясе, вальяжно подошёл к ним. Он смерил Хэ Мяо взглядом с головы до ног.

— Писарь Хэ, мы с вами уже столько дней вместе, а я и не знал, что вы так невежественны.

[Я озвучу мысли гунцзы Гао: «Хэ Мяомяо, ты же даже свиней кастрировать умеешь. Как ты можешь не знать таких простых вещей?»]

— Прошу гунцзы просветить меня, — сказал Хэ Мяо.

Ин Гао взглянул на Тянь Тянь и, кашлянув, произнёс:

— Когда Великая Цинь объединила Поднебесную, один старый алхимик, пришедший из циньских земель, оставил в уезде Сяньян предсказание: если окружить дворец Сяньян двенадцатью бронзовыми исполинами, то Великая Цинь будет существовать вечно.

Фусу незаметно сделал шаг назад.

Пользователи, всё ещё пребывавшие в шоке, заметили это движение, и их первой реакцией было:

[Отлично, раз ты такой говорливый, уступаю тебе слово. Как раз переживал, что никто не озвучит эту неловкую правду.]

<http://bllate.org/book/16007/1560565>